
АБИССИНЕЦ 10
1890
Сергей Насоновский ◆ Сергей Щербатых

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский

Абиссинец 1890. Том 10

«Автор»
«Автор»
2026

Насоновский С.

Абиссинец 1890. Том 10 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году.Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились.Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории.Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ.Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов.

© Насоновский С., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как две капли воды 5
Глава 2. Трофеев привалило 14
Глава 3. Полуостров 24
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых
Абиссинец 1890. Том 10

Глава 1. Как две капли воды

Семен отстранился, придерживая брата за плечи, и еще раз всмотрелся в его лицо.

— Здоров ли, Вась?

— Здоров, Семка. Слава Богу.

Филипп подал батюшке крест. Отец Василий оглянулся, сжал Семену руку, еще раз обнял его и вернулся к людям. Я передал Рыжему папаху, приложился ко кресту и отошел. Семен остался у крыльца дожидаться отца Василия.

Пелагея Александровна уже собирала нас к ужину. Я передал приглашение Рыжему и Ильке. Крестный батюшку пригласл сам.

— Обязательно придем, — ответил Семен и вновь уставился на брата.

Саша попросила, чтобы я долго не задерживался, и пошла с Пелагеей помогать собирать к столу. Я же позвал Олега за Беркутом.

В станичной конюшне вороной стоял уже вычищенный, с разобранной гривой. Я провел ладонью по спине, осмотрел ноги. Все было в порядке.

— Благодарствую, Матвей.

Конюх передал мне повод и отворил ворота. У стены стояла подвода с бочкой.

— Воду до сих пор с дальнего колодца берете? — спросил Олег.

— А как иначе? Завтра еще раз попробуем конюшенный колодец вычистить. Ила там много, будем выбирать, да сруб снизу осмотреть надо. Может, получится опять воду из него брать, а то к дальнему-то с бочкой не наездишься. Ну а коль не получится, будем новый копать.

Он кивнул на закрытый досками колодец возле конюшни.

— Давно засорился?

— Да вот как вы из станицы ушли, две недели дожди лили, так он, почитай, и забился.

Я вывел Беркута. Олег прикрыл за нами ворота.

У Кравцовых мы поставили коня на прежнее место. Пеструшка потянулась из соседнего денника, а Беркут ответил ржанием.

— Пора мне свою конюшню ставить, — сказал я. — Курень есть, сарай есть, а за лошадьми все к вам хожу.

— Так с Фомичом поговори. Еще немного протянешь — и до осени к нему не подступишься. Тут всем строиться надо.

— Да, вижу, Фомич нарасхват. С делами на базу управлюсь и завтра встречусь.

Олег подхватил пустое ведро, я задвинул засов, и мы пошли в дом.

В горнице уже суетился дядька, Илька помогал ему придвинуть лавку. Мы вымыли руки в сенях. Татьянка протянула мне полотенце и тут же пожаловалась, что Олег ее к пчелам не пускает.

— Завтра сами сходим, — пообещала Саша, — а потом смастерим тебе свой небольшой улей. Будет у тебя мед, да не простой, а самый сладкий и душистый на всей Уссури.

Татьянка от радости показала Олегу язык и убежала в женскую часть дома.

— Пока всех не дождемся, за стол не суйся, — строго предупредила Акулина Никитична, заметив, как Олег потянулся к столу.

Крестный сел возле дяди.

— Аркаша, про остальное завтра в правлении договорим?

— Завтра. Сегодня давай без службы.

— Добре. Отдохнуть вам надобно.

Дверь в сени открылась. Семен пропустил вперед брата, а мы поднялись.

Отец Василий пришел в простой темной рясе, без праздничного облачения. Пелагея Александровна подошла под благословение, за ней — Акулина Никитична. Татьянка встала рядом с бабушкой и сложила ладони на груди.

Крестный представил нас батюшке, затем указал на свое место у образов.

— Прошу, отец Василий.

— А вы, Степан Анисимович?

— Я рядышком.

Семен устроился неподалеку от брата, я сел напротив. Женщины заняли отдельный стол возле печи. Саша подвинула лавку, пропуская Татьянку к бабушке.

— Благословите трапезу, батюшка, — попросил крестный.

Все вновь встали и повернулись к образам. Отец Василий прочел молитву, мы ответили, перекрестились. Он благословил пищу и питье, и только тогда Пелагея Александровна подала щи.

На столе, помимо хлеба, стояла миска с приправленными молодыми побегами папоротника, собранными совсем недавно. На большом блюде лежали куски обжаренной рыбы, рядом — соленые ястыки, заготовленные еще осенью. Тут же был круглик с моченой ягодой, обильно сдобренный медом, кувшин с узваром, томленая репа с морковью и печеный картофель.

От щей шел пар, пахло капустой с грибами. Я отломил еще горячего, хрустящего хлеба. Постных щей тетка Поля не пожалела: ложка в них едва проворачивалась. Шел Петров пост, поэтому скоромного на столе не было.

— А именинник-то у нас пропал на свой день, — вспомнила тетка. — Пятого июня девятнадцать стукнуло, а поздравлять некого было.

— Сам едва вспомнил, теть Поль.

— Ну теперь-то точно не забудешь, — сказал крестный. Он вынул из-под стола небольшой сверток и протянул мне. — Ну, почитай, год прибавился, надеюсь, ума тоже не убыло.

В свертке оказался отполированный латунный свисток, как у городских жандармов.

— Вот это вещь, теперь в тайге точно не потеряешься. — Семен попросил осмотреть подарок, покрутил в руках. — Да. С таким глядишь, тебя и жандармы останавливать никогда не будут.

Я отложил свисток в сторону.

— Благодарствую, крестный, неожиданно.

Отец Василий улыбнулся и отложил ложку.

— Степан Анисимович, день нам Господь даровал такой, что долго помнить его будем. Наши домой вернулись, я брата обрел. Тут еще и Андрея поздравляем. Не найдется ли у хозяина немного доброго вина?

Крестный погладил усы.

— Найдется, батюшка. Только ведь пост.

— Про пост помню, — кивнул отец Василий. — Немного виноградного нынче дозволяется. А с казачьим укладом я знаком не понаслышке, сам из казаков буду. Хоть рясу надел, а от родного обычая не отрекся. По малой чарке пригубить благословляю.

Он оглядел нас и добавил с улыбкой:

— За вас помолюсь, не сомневайтесь. Только и вы меру знайте, не задавайте мне работы до самого утра.

Крестный негромко засмеялся и повернулся к жене.

— Пелагея, слыхала, что отец Василий сказал? Неси бутыль.

— Слыхала, Степа, уже бегу.

Тетка Поля поднялась, сходила в сени и вернулась с темной бутылью. Олег принес чарки. Крестный разлил понемногу вина, оставив бутыль возле себя.

Отец Василий благословил и поднял свою чарку.

— Здравия душевного и телесного на многие лета. Даст Бог не раз еще соберемся за этим столом.

— Спаси Христос, батюшка.

Меня поздравили со всех сторон. Семен потянулся через стол, коснулся своей чаркой моей. Я пригубил терпкого вина и поймал Сашин взгляд. Жена улыбнулась, чуть приподняв кружку с узваром в мою сторону.

Рыжий поставил чарку и опять повернулся к брату.

— Ты ешь, Семка, — негромко сказал Василий.

Дядя дождался, пока Пелагея Александровна сядет к женщинам, и обратился к крестному:

— Степан, дай парням пару дней на свои дела. По моей части срочных поручений нет.

— Дам. Только завтра на расчет явитесь, совсем не пропадайте. А после надо команду принимать.

Я поднял голову.

— Приготовительную?

— А ты думаешь, на кой лад тебе свисток подарили? Будешь упражняться. Прохор с Бортеньевым в конце июня в строевые уходят. Повседневные занятия Меренскому поручу, а ты ему помогать будешь.

— Мы ведь прежде иначе думали.

— Думали. Только ты то здесь, то тебя месяц нет. Ребятам каждый день заниматься надо.

Тут крестный был прав. Из меня нынче вышел бы начальник, которого еще сыскать надо.

— Добре. С Саней сработаемся, да с таким свистком мы им зададим учебу по самое не хочу.

— Через пару дней соберемся, людей и имущество примете. Сперва сотни проводить надо, проводников им дать, дальние стоянки проверить, как Павел Федорович велел.

Саша посмотрела на дядю.

— Два дня, Аркадий Игнатьевич?

— Два, Александра. Сегодняшний вечер не считаем.

Она кивнула и продолжила что-то обсуждать с теткой.

Крестный взял чарку, в которой еще оставалось вино.

— Ну, теперь за ваше возвращение. Все трое опять дома, Аркаша тоже с нами. Дай Бог почаще за этим столом встречаться.

— И за тех, кто нас дожидался, — добавил дядя, повернувшись к женщинам.

Мы пригубили еще по глотку. Саша улыбнулась мне со своего места, а тетка Поля пододвинула к дяде блюдо с рыбой.

— А мне через месяц семнадцать, — напомнил Олег. — Меня в новый состав запишете?

— Подойдет срок, запишем, — ответил крестный. — Только хозяйство на нас с матерью не перекладывай.

Я глянул на братца. Уже и вправду не просто за компанию увязаться просил.

— Будем с тобой заниматься.

— Я верхом езжу не хуже других.

— Знаю. Но у многих конь один на весь двор и дома помочь некому, так что не зазнавайся. С Меренским часы подберем, чтобы толк был. А пока можешь потихоньку сам готовиться, ты ведь видел, чему в приготовительной команде обучают. Как посвободнее буду, сбрую проверим, мишени приготовим.

Олег сразу оживился:

— Мишени я могу помочь сделать.

— Поможешь. Только батя тебе что сказал? После хозяйственных дел.

— Вы уж там со своей учебой в школе ребятишкам места оставьте, — вмешалась Пелагея Александровна. — Иван Викторович каждый день к школе ходит, все прикидывает, как классы готовить будет.

— Неужто уже готова? — спросил я.

— А то, как же! Сам видел, что под крышей уже стоит, — ответил крестный. — Осталось полы закончить, печь довести до ума да столы с лавками сладить.

— Сколько учеников в новом доме соберете? — спросил Василий.

— Зимой двадцать четыре было, — сказал Степан Анисимович. — Но тут уж младшие подросли, да скоро переселенцы прибудут, а там посмотрим. И с китайской слободки детей тоже туда будем пристраивать. Иван Викторович свое дело знает, о его уроках вся станица толкует. Некоторые дети уже книг перечитали столько, сколько их родители за всю жизнь не видели.

— И девчонкам места хватит? — подала голос Татьянка.

— Хватит всем, — ответил крестный.

Отец Василий повернулся к ней:

— А ты читать умеешь?

— Умею.

— Вот и хорошо. С Иваном Викторовичем поговорю, кому еще помочь надо. Когда помещение можно посмотреть?

— В любое время, — сказал Кравцов. — Только под ноги глядите, не везде настелено.

— Посмотрим. А как закончите, перед занятиями школу освятим.

Пелагея Александровна придвинула блюдо с картошкой к Семену. Тот спохватился и передал его брату.

— А содержание школы на общество ложится? — спросил отец Василий.

— Как зимой определили, так и будет, — ответил крестный. — Доход с выделенного участка ловли на реке школе должен идти. Чего не хватит, обществом добавим. Только с участком и учетом выручки еще до конца разобраться надо.

— И учителя поселить по-человечески пора, — сказала Акулина Никитична.

— Так он сейчас где живет? — уточнил батюшка.

— Раньше, как и вы, в гостевом доме жил, — ответил крестный, — а теперь съехался с одной нашей вдовой. Только говорить об этом не любит, думаю, сам вам расскажет. Так что и с его жильем вскоре решать будем.

Семен повернулся к брату:

— Ты сам-то, где устроился, Вась?

— Там же, в гостевом. Отдельная комната, все есть.

— Вот мой курень возведем, ко мне съедешь.

Он сказал это быстро и впервые за весь ужин широко улыбнулся.

— Спаси Христос, Сема.

— Пока твой курень поставим, отцу Василию уже дом возле храма возведем, — сказал крестный. — Ему ведь и к ранней службе выходить.

— Поближе к храму, конечно, удобнее, — ответил Василий. — Только учителя из-за меня не потесните.

— Всех устроить надо, — вздохнул Степан Анисимович.

Я посмотрел на Семена. Тот уже доедал щи, поглядывая на брата.

— Так ведь у нас теперь, помимо станичников, еще Фомич есть, — сказал я.

— Силантий Фомич постоянную артель уже собрал. Правда, еще одного хорошего плотника ищет, чтобы часть работы поручить и самому над душой не стоять. А то школа, общественные постройки, ваши дворы.

— Со мной он еще не считал, — сказал Семен.

— Место тебе приготовлено, лес тоже. Теперь с ним сговорись, с чего начнете и как платить станешь.

— Мне конюшню хотя бы на три денника, — напомнил я.

— Помню, Андрей. С Фомичом очередь согласуем, чтобы он вам обоим не наобещал больше, чем осилит.

Я подался к Рыжему:

— Завтра после расчета к школе пойдем. Погуторим с ним.

— Надо пораньше успеть работников застолбить, — согласился Семен.

— Степан Анисимович, а у меня на выселке тоже постройку просят, — подала голос Саша.

Я повернулся к ней.

— Кто?

— Эка оказия, Андрей, я же тебе не сказала. На выселке новые жильцы. Семья из Петербурга на все лето приехала. Веденеевы.

— Прямо целой семьей сюда добрались?

— Муж с женой и четверо детей. Константин Павлович прежде естественную историю преподавал, а теперь бабочек собирает.

Олег хмыкнул, но Саша продолжила:

— И гусениц держит. Записывает, когда появились, что едят, какая потом бабочка выйдет. Елизавета Андреевна рассказывала: часть денег им вперед дал петербургский заказчик коллекций, остальное свое. Константин Павлович с тамошними учеными переписывается.

— А выселок наш чем ему приглянулся?

— Лес рядом, луга. Ему каждый день по одним местам ходить надо, листья свежие приносить. Да решился... Как он сказал? Слово такое приятное... А, вспомнила: флору нашу изучить и образцы собрать для петербургского музея какого-то там. А дом, сам знаешь, просторный, на шестерых как раз подходит. Старшая дочь у него, Нина, семнадцати лет, записи помогает делать. Сергей за садками смотрит. Еще Лида с Мишей, но те совсем малые еще.

— Одних-то там оставлять опасно.

— Разъезды ежедневно заходят, — ответил крестный. — Велел, чтобы проведывали.

Саша отодвинула опустевшую миску.

— За полгода вперед уплатили. Летом собирать будут, осенью разберут коллекции, опишут и обратно в Петербург. Книг привезли — аж целая подвода приехала. Коробки со склянками, даже микроскоп маленький у них имеется. Теперь просят светлое дощатое помещение под садки. С окнами, полками, чтобы проветривать можно было.

— Так там же старый сарай имеется?

— В нем наше добро, пасечное тоже. Им отдельное надо. Я сказала: после твоего возвращения обсудим.

— Съездим, поглядим. И с ними посчитаем, кто за что платить будет.

Саша подошла собрать посуду и, принимая мою миску, добавила тише:

— Константин Павлович еще про винтовку спрашивал. Надежную купить хочет, на случай беды. Деньги есть.

— А ты когда туда собрался? — тут же спросил Семен.

Я посмотрел на него.

— Еще не решил.

— Тогда завтра у Глеба Маркеловича свое забрать надо, пока сотни не ушли.

— Эх, ты шустрый, Сема. Еще хабар не забрал, а уже покупателя присмотрел, — улыбнулся дядя.

Рыжий кивнул.

— Мне и курень возводить, и конюшню, поэтому медлить нельзя.

Отец Василий улыбнулся, глядя на брата.

Крестный заговорил о телеграфе:

— Уже вторую комнату просят. Парамон сердится: к нему люди с депешами прямо через стол тянутся. Еще и с этим за лето управиться надо.

— Водоотвод после большой воды держится? — спросил я.

— Фомич постоянно проверяет. По старой ложбине вода идет, как и рассчитывали. Внизу только камня еще подсыпать пришлось.

— А Дорохин с Трофимовыми чего не поделили? — вспомнила Пелагея.

— Проезд к покосу. Одним через двор короче, другой там огород разбил.

— Прежде ладили? — спросил отец Василий.

— Ладили. Да и теперь бы обошлись без ругани. В объезд ездить придется.

Пелагея Александровна принялась разливать чай. Илька передал батюшке хлеб. Тот поблагодарил и спросил:

— А твои родные, Илларион, здесь живут?

— В гасяне. Дед с сестрой. Я здесь по службе бываю.

— Далеко ваш гасян? Священник туда захаживает?

— Бывает. Я крещеный, отец Василий. У нас весь гасян крещен.

— Давно?

— Я еще малым был. Только свои обычаи мы не бросили. Дед Пасса людей лечит, с духами общаться умеет. Я дедовому слову верю.

Отец Василий положил хлеб возле миски.

— Благодарю, что прямо сказал. Креститься можно за один день, а понимать принятую веру человек всю жизнь учится. Родных забывать она не велит. Познакомишь меня со своими стариками? Мне сначала послушать надо, как вы живете. А где во взглядах разойдемся, там и поговорим.

— Приезжайте, батюшка. Дед гостю рад будет.

— Благодарствую, Илларион.

Семен дождался своей кружки, но отставил ее в сторону. Расстегнул ворот, вытянул цепочку.

— Вась, глянь.

На ладони лежал потемневший крест с неровным краем. Василий наклонился, взял его двумя пальцами и повернул к свету.

— Мой.

— Матушкина насечка?

— Ее.

Батюшка выпустил крест, а Семен продолжал держать его на раскрытой ладони.

— Возле входа нашли. Я ведь тебя в доме слышал. Как ты вышел?

— В окно. Матушка меня из конюшни привела. Торопила, а я у двери шнурком зацепился. Она дернула меня за рубаху, крест и сорвался. Поднять не дала.

Семен кивнул.

— Я уже под полом был.

— Не знал я. Под лавку забился, когда они вошли. Матушка у порога осталась. Ее ударили, она упала. Потом дверь захлопнули. Уже дым шел, а она все пыталась подняться.

Василий провел ладонью по бороде.

— Я к ней полез. Она кричала: «В окно лезь!» Вытолкнул створку, вывалился во двор. Там и схватили. До коновязи донесли, поперек седла бросили.

Я подвинул к Семену кружку. Он даже не взглянул.

— А я по крышке бил. Думал, ты там рядом.

— Стук помню. Не разобрал откуда.

Семен спрятал крест под рубаху и застегнул ворот.

— Куда тебя увезли?

— Сперва в горы. Потом перепродали и за море увезли, к османам. Семь лет там пробыл.

— Батя тебя искал. Через купцов, через кого только не пробовал.

— До меня ни одной вести не дошло. Пока малый был, за скотиной ходил, со двора не выпускали. Потом другой хозяин купил. Тот у моря жил, посылал к пристани суда разгружать. Там я с одним матросом и заговорил. Когда тот ответил по-русски, я за рукав ухватил и отпускать боялся. Речь нашу понимал, только сам слова с трудом подбирал. Капитан к консулу меня передал. Через Одессу вернули. Четырнадцать мне уже было.

Семен придвинулся ближе.

— Почему же домой не пришел?

— В Одессе меня отец Кирилл приютил. Сам бы я без денег далеко не ушел. Он написал на Кубань, родных стал разыскивать. С хутора вы уже съехали, пришлось через правление узнавать. Ответ пришел: отец умер, а сын его, Семен Трофимович, погиб при пожаре.

Рыжий поднял голову.

— Я, что ли?

— Твое имя стояло. Помню, как сам по буквам перечитал. Я ведь не знал, что матушка тебя под пол спрятала. Думал, в горнице остался.

— Так это тебя погибшим записали, Вась. Меня казаки из голбца вытащили. Батя потом новый курень ставил, мы там и жили.

Василий смотрел на брата.

— Выходит, когда ответ готовили, имена наши перепутали.

— А ты поверил.

— Поверил. Ответ пришел из тех мест, где нас знали. Про отца день смерти указали, про тебя написали, что вместе с матушкой сгорел. Я и решил, что один остался.

Семен поднес руку ко лбу, прикрыв глаза.

— Меня после батиной смерти его товарищ к себе взял. Потом служба, Африка, сюда перебрался. А ты все это время жив был, выходит…

— Выходит, Семка, — ответил Василий. — Поминал вас обоих за упокой. Столько лет.

Я опустил взгляд. Семен нащупал под рубахой крест, сжал его сквозь ткань.

— Батя тебя до последнего ждал.

Пелагея Александровна подошла с чайником, но не стала ничего спрашивать. Долила чаю Василию, потом Семену. Рыжий обхватил кружку обеими ладонями.

— А в монастырь как попал?

— Через того же священника. Он с новоафонскими монахами знаком был. Меня передал им, когда выяснилось, что домой возвращаться не к кому. К пятнадцати годам уже при обители жил. Работал, учился. Сперва даже за чтением поспевать не мог.

— Небось за нас двоих потом начитался.

Отец Василий улыбнулся.

— В семнадцать в семинарию поступил. Настоятель помог подготовиться. Шесть лет учился, потом на Новый Афон вернулся. Мальчиков грамоте и Закону Божию учил.

— А постриг, когда приняли, отец Василий? — спросила Акулина Никитична.

— В прошлом году, как двадцать пять исполнилось. К тому времени курс богословских наук окончил, учительское послушание нес. Разрешение получил. А в священники только этой зимой рукоположили, после диаконского служения.

— Значит, сперва учились, потом уж решили? — уточнил крестный.

— Решил раньше, Степан Анисимович. Только одного решения мало. Надо было проверить, смогу ли так жить. Настоятель мне прямо говорил: «С горя проситься в монахи легко, а обеты на всю жизнь даются».

Семен посмотрел на него.

— А теперь, когда меня нашел?

— Теперь брат у меня есть, Семка. От обетов мне ради этого отказываться незачем. Знать, Господь так устроил, чтобы ты своей дорогой пошел, а я — своей. А встретиться все же сподобил.

Рыжий кивнул и наконец отхлебнул чаю.

— Тебе помощь какая нужна, Вась... отец Василий?

— Ты меня уж Васькой зови.

Семен улыбнулся.

— Книги-то разобраны? Или все в ящиках?

— Часть еще в ящиках.

— Помогу. И поговорим заодно.

— Приходи завтра после службы.

— Добре, Вася. Как по службе управлюсь, сразу к тебе. А письмо мое ты получил? Через Филарета в мае посылал.

— Нет. Я тогда уже в дороге был. Отец Филарет здесь сказал, что отправил в монастырь. От него о тебе и узнал.

— А тебя сюда назначали, не ведали, что я тут?

— Не ведали. В обители я говорил, что родных у меня не осталось.

Дядя взял свою чарку. На дне еще темнело вино.

— За вашу встречу, братья. Дай Бог теперь наговориться за все пропущенные годы.

Семен поднял чарку, посмотрел на Василия и протянул ему свободную руку. Батюшка сжал ее.

— Спаси, Господи.

Мы пригубили остатки вина в чарках. Крестный заткнул бутыль и передал жене. Пелагея Александровна убрала ее в сени, а вернувшись, собрала посуду.

Татьянка уже дремала возле бабушки. Олег тихонько тронул сестру за плечо, когда мы поднялись из-за стола. Вместе с отцом Василием поблагодарили Бога за трапезу.

Семен пошел проводить брата. Илька попрощался со всеми и вышел следом. Я задержался возле дяди на крыльце, пока Саша помогала Пелагее Александровне убрать со стола.

— Аркадий Игнатьевич, дальше, как служба будет идти?

— Вы пока по месту остаетесь, мы с Василием Петровичем дальше сами. Материалы сопоставим, барону доложим. Думаю, что в ближайшее время это дело в Хабаровке дожмем.

За дверью Саша пожелала Акулине Никитичне доброй ночи.

Дядя положил руку мне на плечо.

— Ступай, Андрей. Нам всем отдохнуть нужно.

Я дождался жены, подал ей руку на ступеньках, и мы пошли к себе.

Дома Саша сняла платок и присела за стол. Я устроился рядом, обнял ее. Она положила голову мне на плечо. Некоторое время мы сидели молча, потом Саша повернулась и поцеловала меня.

— Спать хочется. А с тобой еще столько всего обсудить надо.

— Завтра договорим.

— Нет, давай хоть на завтра договоримся. У Фомича все-таки узнай, во сколько наша конюшня обойдется. А то знаю тебя. Посмотришь, руками разведешь: «Чего тут делать? Четыре стены». Потом опять в Хабаровку или Владивосток уедешь, а у нас лошади опять у крестного зимовать останутся.

Я усмехнулся.

— Конечно, любимая, разберемся с конюшней, обещаю. И на выселок послезавтра съездим вместе.

— И по деньгам посчитаться надо. За аренду я получила, но часть на починку дома отложила. За шитье тоже не все свободное, ткани покупать надо. Твои запасы тоже уже прохудились, кой чего перешить хочу.

Я помог ей подняться. На столике возле машинки лежали свернутые отрезы, которых прежде не видел.

— Моисей Абрамович заказы присылает?

— Пробную кофту давно ему передала. Теперь еще заказы дает, мерки присылает. Да и наши чаще приходить стали.

Она переложила верхний сверток.

— Вот это закончить надо. За него деньги будут после сдачи. А на этот ситец уже потратилась.

— Много сидишь за машинкой?

— За машинкой недолго. Кроить, подгонять, петли обметывать — дольше. Нюрка помогает большие полотнища раскладывать. А Олег воду с дровами приносит.

— Что тебе сейчас нужно?

— Чтобы завтра ткани со мной разобрал, свертки наверх поднять помог. А то я одно достаю, другое на меня валится.

— С Фомичом поговорю, потом все разберем.

Саша накрыла машинку чехлом и осталась стоять возле стола. Я взял ее за руку.

— Может, хватит на сегодня обсуждений, Сашенька?

— Ну наконец-то. — Она потянула меня за собой в спальню.

Глава 2. Трофеев привалило

Утром я с трудом оторвал голову от подушки. Саша мило зевнула, сонно улыбнулась и погладила меня по щеке. Уснули мы только к рассвету, но я об этом не жалел.

Рыжий с Илькой уже ждали у калитки. У их ног стояли сумы, к ограде они прислонили оружие.

— Ты переселяться надумал? — спросил я Семена.

— Сам же говорил: все вместе собрать.

Занесли поклажу в дом и пошли к правлению.

На выгоне уже готовили обоз, хотя до выступления сотен оставалось несколько часов. Моренченко провел мимо нас подводу с пустыми бочками, поздоровался и свернул к конюшне.

У правления рябой Михаил складывал вчетверо исписанный листок. Увидев Семёна, помахал им.

— Получили, братка.

— Много?

— Бумаги хватило. Теперь денег дождаться бы.

Семён проводил его взглядом и первым поднялся на крыльцо.

В сенях вдоль стены стояли связанные винтовки. На лавке лежали кобуры, ремни и свёртки с патронами. Овсянников сидел за столом вместе с сотенным писарем. Возле окна устроился Аркадий Игнатьевич с отдельной ведомостью.

— Явились? — Сотник подвинул писарю раскрытую книгу. — Давайте с вами закончим, пока всё в обоз не уложили.

Рыжий оглядел приготовленное оружие.

— А с нашими пластунами уже рассчитались?

— Начислили, — поправил Овсянников. — Три немецкие винтовки, которые вы впятером взяли, оставляем для сотни. За них выкуп будет. По вашему выходу после отчислений на пятерых сто пятьдесят рублей причитается. По тридцать каждому.

— А револьвер?

Писарь придвинул к краю стола знакомую кобуру.

— Его тебе оставляем. В пятнадцать рублей оценён. Значит, четверым по тридцать деньгами, тебе — револьвер и ещё пятнадцать.

Семён вынул рейхсревольвер, проверил барабан и убрал обратно.

— Эти пятнадцать когда получить можно?

— Сейчас только выписку возьмёшь. Деньги ещё поступить должны. Ведомость в ваше правление передам, там уж пусть решают как расчитаться.

— Мне бы эти пятнадцать на плотницкую работу зачесть, — сказал Рыжий. — Пока денег дождусь, опять зима придёт.

— С Кравцовым о том говори. Если договоритесь и такой расчёт разрешат, тогда зачтут, и все быстрее выйдет.

Теперь хотя бы понятно было: винтовки уходят сотне, за них нам просто начисляют выплату, и когда она будет совсем не ясно.

— А прочее, что за поход собрали? — спросил я.

— Сёдла, сбрую и фураж, принятые для сотни, внесли в выкупную ведомость. Это общий сотенный расчёт, его ещё не закончили. Товар, у которого хозяева объявились, в дуван не включали. Остальное, что разрешат продать, отправят на торги. Из выручки вычтут положенное на войско, на церковь, на станицы, потом остаток между участниками распределят. Там пока окончательных сумм нет, это уж в войске считать станут.

Аркадий Игнатьевич подвинул к себе другой лист.

— А теперь наше. Всё, что брали с командой отдельно, в сотенную добычу не включали. Нужное для дальнейшей работы я оставил за отрядом. Вот это разрешено передать вам в собственность.

Писарь поднялся к лавке и развернул холстину.

Под ней лежали два старых однозарядных Маузера образца семьдесят первого года и курковая двустволка. Дядя указал на винтовки.

— По Маузеру тебе и Семёну. Ильке — ружьё.

На прикладе моего Маузера темнела вмятина, возле затыльника дерево было сбито, но затвор ходил легко. Семён осмотрел свой, заглянул в ствол и отложил рядом с рейхсревольвером.

— По пятидесяти патронов к каждому, — сказал писарь, показывая на два свёртка. — Ружейный припас отдельно.

Илька взял двустволку, переломил её и посмотрел в стволы.

— На птицу сгодится.

— Проверим ещё, — отозвался Семён. — А то с одного ствола птицу брать будешь, с другого только пугать.

Овсянников указал на длинный свёрток у стены.

— Из тайника ваше тоже здесь.

Под холстиной лежали две длинные немецкие винтовки и карабин. Возле прицела одной из винтовок проступили рыжие пятнышки. Я провёл пальцем по железу.

— Эти тоже нам оставили? — спросил я.

— Да, — ответил дядя. — Их вы с Семёном ещё до общего похода взяли. По нашей команде они проведены отдельно. Обе винтовки и карабин забирайте, как и договаривались.

Писарь подал мне выписку. В ней стояли номера трёх немецких стволов, двух Маузеров и двустволки.

— Здесь всё перечислено, что вам в собственность передано, — пояснил он. — Бирюкову на револьвер и денежный остаток другая выписка.

Я сверил номера и расписался. Семён дождался своей очереди, придвинул книгу и тоже поставил подпись. Илька осмотрел приготовленную для него строку, прежде чем взяться за перо.

— Значит, с этими уже сами решаем? — уточнил я.

— Сами, — ответил Аркадий Игнатьевич. — Оставить, продать, обменять — ваше дело. Бумаги только сохраните.

Семён увязал винтовки. Илька подхватил двустволку и суму с припасом. Дядя остался с Овсянниковым, а мы вышли на крыльцо.

Рыжий перехватил связку поудобнее.

— Михаилу бумага, а нам опять тащить.

— Можешь оставить, — предложил я.

— Ага. Потом к тебе же за ней идти.

До дома добрались с остановкой. Ремни врезались в ладони, приклады норовили разъехаться, а патроны оттягивали сумы так, что я уже жалел, что мы не попросили у Моренченко подводу.

Саша открыла дверь, посмотрела на нас и отступила, пропуская.

— Вы что ж, оружейную лавку ограбили?

— Да не! Дуван делили нынче, — ответил Семён. — Кому деньги обещали, кому что другое досталось, а кому и обождать, пока в войске насчитают.

— Только на стол не кладите. Я там раскроила.

Сначала я помог ей перенести свёртки ткани на полку. Потом постелил на полу холстину. Принесённое разложили вдоль стены, рядом добавили оружие, оставшееся дома.

Мои два Ли-Метфорда и Лебель поставили с одного края. Семён придвинул свой Ли-Метфорд к Винчестеру, Илька — к Кропачеку. Старые однозарядные Маузеры положили рядом, а двустволку побратим пока оставил возле себя.

Я подал Семёну одну из длинных немецких винтовок из тайника, вторую положил возле Ильки.

— Эти вам. Карабин, как и сговорились, мне.

— Добре, — ответил Рыжий, разглядывая пятнышки возле прицела. — Только сперва вычистить надо.

Берданку Кедра он поставил отдельно. Провёл ладонью по прикладу, проверил ремень и прислонил её так, чтобы не свалилась. Я убрал выписки подальше от масла.

Шесть коротких револьверов, с которыми мы ходили последнее время, оставались в кобурах. Новый рейхсревольвер Семён вынул, проверил барабан и положил на свободный край холстины.

Потом взялись за оружие из тайника. Я принёс масло и ветошь. Семён занялся своей винтовкой, Илька — второй, мне достался карабин. Работали возле распахнутого окна, не торопясь. Ржи хватало, хорошо хоть железо глубоко не разъело. Окончательно судить можно будет после полного осмотра.

Саша поглядела на растянувшийся вдоль стены ряд.

— Андрей, а дальше вы это куда?

Я оглядел горницу. Между винтовками, сумами и разложенной холстиной к лавке теперь приходилось протискиваться боком.

— С Денисом Палычем поговорим. У него для оружия место есть. Может, примет пока на хранение.

— Давно пора, — согласился Семён. — Он и сам на такое добро посмотреть захочет.

— Глядишь, ещё и прикупит чего.

— Сначала разберём, что себе оставляем.

Илька поднял двустволку.

— Эту пока оставлю.

Когда с первой чисткой управились, пересчитали припас. К двум новым немецким винтовкам и карабину было сто двадцать патронов. Разделили по сорок, но пока оставили вместе. Маузеровские свёртки сложили отдельно: по пятьдесят на винтовку.

Я записывал, Семён проверял счёт, Илька завязывал свёртки. Патроны к Ли-Метфордам, Лебелю, Винчестеру и Кропачеку разобрали по видам. Возле каждой записи поставили имя, чтобы после не вспоминать, где чей припас.

Затем вытряхнули принесённые с утра сумы. На холстину легли три прежних трофейных кинжала в ножнах, ремни, верхняя одежда и запасное бельё. Сапоги Семён выставил у двери, проверил подошвы и сунул руку внутрь одного голенища.

— Кожа хорошая. Не рассохлась.

Илька выбрал подходящий ремень взамен своего потёртого. Остальное пока оставили. Семён достал трофейные часы, завёл и снова убрал в карман.

Саша подала ещё кусок старой ткани.

— Вот этим оберните.

Отобранное для хранения оружие завернули, между стволами проложили ткань. Свёртки с патронами уложили отдельно. Другого свободного места, куда можно было убрать столько добра хотя бы на день, кроме как под кроватью, не нашлось.

Семён помог подвинуть всё к стене, чтобы приклады и ремни не торчали в проход. Саша с укоризной посмотрела на меня.

— Только до разговора с Албазовым, — сказал я. — Сегодня же с ним уговоримся.

— Но сначала нужно с Фомичом переговорить, — напомнил Рыжий. — Не то опять уйдёт куда-нибудь.

Я сложил список и убрал за пазуху.

— Пошли. Он у школы должен быть.

Мы умылись, прибрали за собой и вышли. Амур проводил нас до калитки, вильнул хвостом и поскакал к себе в будку.

На улице пришлось посторониться: Лешка Ли вел подводу с досками. Мы поздоровались, он махнул рукой и повел коня дальше к стройке.

Возле станичной конюшни Матвей как раз вываливал из ведра черный ил. Моренченко подтянул веревку, отводя порожнее ведро от сруба. Над колодцем стояли деревянные козлы с блоком. Другая, более толстая веревка шла к вороту и уходила вниз, к рабочему сиденью.

— Ну как, до воды добрались? — спросил Семен.

— Ил выбираем, — ответил Матвей. — Вон сколько нанесло.

Со дна донесся голос Игашова:

— Ведро давай!

Моренченко опустил ведро, придерживая веревку. Мы прошли еще несколько шагов.

— Иван! — окликнул Матвей.

Я обернулся. Он стоял над срубом, всматриваясь вниз.

— Иван, ты чего там?

Моренченко бросил веревку и шагнул к Матвею.

— Ванька!

Мы побежали обратно.

Игашов осел возле стены. Голова свесилась на грудь, одна рука лежала в иле. Ременная обвязка удерживала его на сиденье, не давая завалиться лицом вниз.

— Только что говорил, — выдохнул Матвей.

Моренченко уже поставил ногу на колодец.

Я ухватил его за плечо.

— Назад, Саня!

— Да он же без памяти!

— Там воздух дурной может быть. Следом свалишься!

Саня остановился. Я потянул его от края и показал на толстую веревку.

— На ней держится?

— На ней, — ответил Матвей.

— Ну так поднимайте! Чего ты иванкаешь? Семен, помоги, давай за ворот! Илька, к Юдинцеву! Бегом!

Побратим сорвался с места.

Я еще раз поглядел вниз. Игашов не шевелился. Рядом стояло пустое ведро, вода едва покрывала сапоги. Сверху ничем не придавило.

Семен налег на рукоять. Матвей подхватил с другой стороны. Веревка выбрала слабину, обвязка натянулась, и голова Игашова качнулась.

— Пошел! — крикнул Моренченко.

Сиденье оторвалось от дна. Рука Ивана скользнула по мокрому срубу и повисла. Я следил, чтобы его не развернуло лицом к бревнам.

Ворот поскрипывал. Семен с Матвеем крутили без остановки.

— Еще! — Моренченко подался вперед.

Над краем показалась голова Игашова. Саня дотянулся до его ремня и ухватил левой рукой. Я потянулся с другой стороны.

Над нами сухо треснуло.

Рукоять вдруг легко провернулась в руках Семена.

Веревка лопнула, и Моренченко дернуло грудью на сруб.

Я вцепился в ремень под мышкой Игашова. Меня тоже прижало к мокрому бревну.

— Держи Саню!

Семен ухватил Моренченко сзади за пояс, уперся сапогами в землю. Матвей подскочил ко мне. Я освободил ему место, не выпуская обвязки.

Игашов висел у самого края.

— Матвей, под локоть его! Выше!

Тот подхватил руку. Мы резко дернули Игашова на себя.

Свалились на землю всей кучей. Деревянное сиденье стукнуло меня по голени, Матвей выругался. Я отполз, освобождая место.

— Саня, отпускай. Вытащили уже.

Моренченко разжал пальцы. На ладонях остались красные полосы.

Игашов лежал с закрытыми глазами. Изо рта донесся сиплый вдох. Я расстегнул ему ворот, мы с Семеном сняли обвязку и оттащили его подальше от сруба. Повернули набок. Дышал он с хрипом, но вдохи понемногу становились глубже.

— Воды? — спросил Матвей.

— Какой воды? Ему продышаться нужно.

Саня опустился рядом, потер ушибленную о бревно грудь и наклонился к Ивану.

Я держал пальцы у Игашова на шее и поглядывал на улицу.

Матвей поднял оборванный конец веревки. Пенька расползлась в мочало.

— Держала ведь...

— На выброс, — сказал я. — И больше никого туда не спускайте.

Илька появился со стороны Юдинцева. Роман Васильевич шел быстро, придерживая саквояж. Опустился возле Игашова, проверил пульс, приподнял веко.

— Давно вытащили?

— Только что. Сам дышит.

— Вижу. Отойдите немного, не нависайте над ним.

Юдинцев послушал дыхание, попросил подать полотенце. Я подложил его под щеку Ивана. Доктор окликнул Игашова, слегка сжал плечо.

Игашов пошевелил губами. Веки дрогнули.

— Вот так. Не торопись. Лежи покуда.

Иван закашлялся, попытался опереться на руку и тут же обессиленно опустился. Моренченко придержал его за плечо.

— Куда полез? Наработался уже.

— Голова... — выговорил Игашов.

— Да уж понятно, — отозвался Юдинцев. — Сейчас в сторожку перенесем. Матвей, приготовь там место. И возле него останешься. Одного не оставлять.

Ивана устроили в сторожке. Пока Юдинцев осматривал его, Семен с Моренченко закрыли колодец досками.

Саня пошел в правление доложить атаману и узнать, кого можно взять вместо Игашова. Воду по-прежнему предстояло возить с дальнего колодца. Чистку отложили.

Мы умылись у бочки. На ладонях саднило, голень тоже ныла, но до полудня еще оставалось время.

— Пошли к Фомичу, — сказал я.

У школы Лешка Ли складывал привезенные доски.

— Где Фомич, Алексей?

Он показал на открытый дверной проем.

— Тама он.

Силантий сидел на корточках у края настила. Подбивал деревянный клин, стягивая половую доску с соседней. Возле его колена лежали рубанок и несколько гвоздей.

— На тот конец не наступайте: не прибит еще, — предупредил он, не поднимая головы. — Андрей, подержи-ка здесь.

Я прижал доску сапогом. Фомич проверил стык, провел по нему пальцем и взял молоток.

Внутри школа казалась просторнее, чем с улицы. У окон уже можно было ходить по настилу, а дальше еще темнели промежутки между лагами. Дверей не было. На стене возле окна карандашом отметили высоту будущих столов, в углу лежали заготовки для лавок. Фомич забил последний гвоздь.

— Ну, здорово бывали, казаки. — Фомич выпрямился и пожал нам руки.

— Слава Богу, Силантий.

— Ну рассказывайте, чего пришли?

— Про курень договариваться, — ответил Семен. — Место готово, лес тоже. Мне бы до осени управиться.

Фомич посмотрел на него и достал ветошь, чтобы протереть руки.

— Мне еще школу достраивать, — ответил Силантий. — Сам видишь.

— Ты хоть скажи, когда за мой сможешь взяться. Не год же мне в станичном амбаре скитаться.

— И мою конюшню посчитать надо, — добавил я. — На три денника, как говорили.

Фомич положил молоток.

— У вас на двоих уже два двора. А мне тут полы довести, двери навесить, столы сладить. Печь еще не закончена. Бросить это все?

— Да никто бросать не просит, — ответил Рыжий. — Только, гляжу, кто раньше попросил, у того уже стены стоят, а мне все «погоди».

— Лес тебе кто отбирал?

— Ты, кто ж еще.

— Значит, и не забыл.

— Полы закончу, двери пригоню, тогда можно часть артели на твой сруб перевести. Только мне нужен еще плотник. Чтобы можно кой-чего поручить и не переделывать после него.

— Лешка-то помогает, — сказал Семен.

— Лешка хороший работник. Только ему постоянно показывать надо, что делать. А мне нужен тот, кто сам может без пригляда.

Мы с Семеном уже делили его артель, а у Фомича здесь еще на добрую седмицу работы.

— Тогда после школьных полов и дверей за Семенов курень берись, — предложил я. — А ко мне пока зайдешь, двор осмотришь. Посчитаем лес, железо, работу. Хоть понимать буду, что готовить.

— Так можно. Только твердый срок сейчас не назову. Сегодня один помогает, а назавтра его в разъезд послали. Узнаю, кто остается, тогда решим.

— Ладно, — согласился Рыжий. — Что для сруба недостает, вместе поглядим. И по оплате сразу сговоримся.

— А вот в этом не сомневайся: сговоримся.

Я помог Фомичу поднести следующую доску.

— Когда ко мне зайдешь?

— Завтра с утра могу.

В дверях появился Зыбко. Иван Викторович осторожно прошел по настилу, остановился возле отметки на стене.

— Доброго дня, господа.

Мы поздоровались и отошли в сторону.

— Силантий, между торцом стола и окном проход оставьте. Мне к младшим подходить надо.

Фомич передвинул лежавшую на полу рейку. Учитель кивнул.

Следом вошел крестный и с порога посмотрел на меня.

— Игашов как?

— Заговорил. Юдинцев его выхаживает.

— Добре.

Зыбко подошел к нему.

— Степан Анисимович, с помещением понятно, а на какие средства школу содержать? Грифельных досок детям недостает, бумагу надо заказать. И дрова лучше в прок запасти.

— Так вы расходы должны были посчитать. Сделали?

— По принадлежностям посчитал. С дровами еще уточню. Но заказ без денег не примут.

— Как и уговаривались, деньги с ловли должны пойти. Конев первые уловы уже сдавал.

— Мне ничего не передавали, Степан Анисимович. И сколько ждать, я не знаю. Может, вся выручка сперва в правление поступает?

— Туда и должна. Ладно, вечером сядем, проверим. Конева позову, Парамону велю записи приготовить. Вы, Иван Викторович, свой расчет принесите.

Я отпустил доску, которую Фомич уже закрепил.

— Я тоже могу подойти. Помочь свести.

— Зайди. Только после проводов. Сейчас у меня еще две сотни в станице.

Албазова застали возле выгона. Денис Палыч возился с подводами. Я дождался, пока он закончит, и объяснил, с чем пришли.

— Примете пока на хранение? В вашем арсенале. Дома все под кровать пришлось затолкать.

— Приму. Только принесите до выступления, после у меня дел на выгоне будет до ночи.

Мы вернулись домой, достали отложенные свертки. В этот раз Албазов дал подводу, и тащить на горбу не пришлось. Саша забрала грязную холстину.

— С Фомичом поговорили?

— Завтра с утра придет. Вместе решим, куда конюшню ставить, и посчитаем.

— Только сам не уйди до его прихода. А то я в этом ничего не понимаю.

— Не переживай, вместе осмотрим.

У Албазова сгрузили все под навесом. Денис Палыч провел нас через дровяник, отодвинул рогожу у задней стены и открыл потайную дверь. Зажег лампу.

Запахло ружейной смазкой. Пирамиды вдоль стен стали теснее, чем в мой прошлый приход, но хозяин освободил нам место. Я развернул запись. Сверили свертки, отделили наш припас от его.

Берданку Кедра Семен положил последней.

— Эту отдельно, Денис Палыч, памятная она больно.

Албазов посмотрел на Рыжего, затем на винтовку.

— Понял.

Он сделал пометку, убрал берданку в сторону и взял мой второй Ли-Метфорд.

— А вот такую давно хотел. У тебя их выходит, две?

— Две.

— Уступишь?

Денис Палыч поднес винтовку к лампе. Темное дерево, узкий магазин на восемь патронов. Проверил, пусто ли внутри, отвел затвор. Тот скользнул назад без скрежета. Хозяин довольно хмыкнул.

— Добрая вещь. Пятьдесят рублей дам.

— Семьдесят пять.

Он оторвался от прицела.

— Ты мне ее хранить принес или за мой счет конюшню поставить?

— Пока только крышу над нею.

Албазов усмехнулся, но винтовку не отдал.

— Припас к ней не берданочный. Где мне его брать-то?

— Вы для Мураты нашли. И для Мартини.

— Конечно, нашел. Только сколько это мне стоило, ты же не знаешь.

— На семидесяти сторгуемся, и десяток патронов для пробы отдам. Больше не просите, самому нужны.

— Шестьдесят пять.

Я потянулся за винтовкой, но Денис Палыч придержал ее.

— Не торопись. Семьдесят так семьдесят.

Привычную англичанку я оставил дома. Запасная лежала без дела, а за постройки платить предстояло скоро. Я вычеркнул проданную винтовку из описи хранения.

Рыжий тут же развернул свою немецкую винтовку образца восемьдесят восьмого года — «Гевер 88». Провел пальцем по клейму и протянул ее Денису Палычу.

— А на эту поглядеть не хочешь?

— Тоже приглянулась. Только за семьдесят не возьму.

У немецкой винтовки ствол прятался в стальном кожухе. Снизу, перед спусковой скобой, выступал магазин на пять патронов. Возле прицела после нашей чистки остались темные следы, но рыхлую ржавчину мы сняли.

Албазов повернул ее клеймом к лампе, долго смотрел в ствол, провел ногтем по пятнышку на железе.

— Сырость прихватила?

— Было дело, — не стал скрывать Семен.

— Под кожухом еще смотреть надо. Тридцать пять.

— Шестьдесят. Она почти новая.

— Новую в сырости не держали бы.

— А эту еще достать попробуй. Бездымная, магазинная. Сорок патронов с нею отдам, все мои.

Денис Палыч еще раз осмотрел винтовку.

— Пятьдесят с припасом. За состояние дальше сам отвечаю, к тебе не побегу.

Семен протянул руку.

— По рукам.

Илька тем временем остановился у другой пирамиды.

— Эту можно посмотреть?

— Бери. Только на кой она тебе?

Илька снял небольшую винтовку, проверил и приложил к плечу, направив ствол в пустой угол. Приклад пришелся впору.

Тонкое ореховое цевье, открытый курок, восьмигранный ствол с потертыми ребрами. Под небольшой коробкой изгибался рычаг со спусковой скобой. Магазина не было.

— Тоже Винчестер, — сказал Албазов. — Только однозарядный. Восемьдесят пятого года образец. Под малый американский патрон, двадцать второй короткий.

Илька опустил рычаг. Затвор ушел вниз, открыв казенник. Побратим осмотрел его, закрыл и попросил показать патрон.

Денис Палыч достал коробочку. На ладонь Ильки легла короткая гильза с маленькой свинцовой пулей.

— На белку, — тихо сказал побратим. — И рябчика можно брать. Близко подпустит, большой пули не надо.

— На крупного зверя не рассчитывай, — предупредил Албазов.

— Для него другое есть. А этой шкурку меньше попортишь. Сколько?

— Тридцать два рубля.

Илька покрутил винтовку, провел пальцем по затыльнику.

— Двадцать пять.

— За эти деньги я ее обратно поставлю.

— Ставь.

Он протянул оружие хозяину, но тот брать не торопился. Семен с интересом следил за торгом.

— Ты хоть понимаешь, сколько такую сюда везти?

— А патроны потом тоже везти. У меня их нет.

— Заказать можно. Заранее только скажи.

— Двадцать восемь с сотней патронов.

Албазов поглядел на меня.

— Один продает, будто сам из Англии вез, другой даром забрать хочет. Хорошую ты себе компанию собрал, Абиссинец! Вы чай, пейсы отрастить еще не надумали?

— Да ну вас, Денис Палыч, — хохотнул я.

Хозяин достал вторую коробку, поставил рядом с первой.

— Ладно. Забирай. Но это потому, что вы мне две интересные вещи принесли.

Илька достал деньги. Мы с Семеном дождались, пока Албазов принесет кошелек. Рассчитались кредитными билетами, еще раз поправили запись. Две проданные винтовки Денис Палыч перенес к своим, нашу опись подписал и вернул мне.

На улице Илька завернул покупку в холстину и прижал к боку.

— Мне в кузню надо. Вы идите, у правления встретимся.

Он свернул, а мы с Семеном направились к выгону. Рыжий убрал деньги поглубже и некоторое время шел молча.

— Андрюха, а ведь можно самим так.

— Как?

— Лавку открыть. Оружейную. У нас лишнего добра хватает, ты в нем понимаешь. Я бы с покупателями сговаривался. Кому винтовку, кому двустволку. Ремни, кобуры, припас тоже держать надо. Промысловик за патронами придет, глядишь, еще чего прикупит.

— А помещение?

— Найдем небольшое. Залежалого много не брать, лучше под заказ. Починку с Терентьевым устроить.

Я усмехнулся, но Семен не улыбнулся в ответ.

— Народу через станицу сколько идет. Да и свои на промысел ходят. Сперва самим стоять, потом приказчика взять.

Я остановил его.

— Ты всерьез?

— А чего смеяться? Деньги получил, только их Фомич заберет. Потом опять с пустой мошной сидеть.

— А кто лавку откроет, когда нас дядька на месяц уведет? Мы вчера домой пришли и до сих пор по своим дворам ничего толком не сделали.

— Так я же про приказчика...

— Семен, вот когда со службы уйдем, тогда и обсудим. Сейчас не время в купцы записываться. За чужими деньгами глядеть некогда, за своими-то едва поспеваем.

Рыжий помолчал, затем кивнул.

— Да оно понятно. Только все одно подумать надо, как деньжатами разжиться. На одном жалованье больно долго строиться буду.

К двум пополудни на выгоне стояли оседланные кони. Подводы выстроились к выезду. Моренченко убирал жерди, морщился, поглядывая на содранные ладони. Из кузни вернулся Илька. Купленную винтовку он уже успел отнести ко мне домой.

Овсянников прощался с крестным. Я подошел, дождался, пока они закончат.

— Благодарствую за помощь, Глеб Маркелович. Вы нас не раз уже выручали.

Сотник пожал мне руку.

— И вы поработали хорошо. Теперь вот дома побудь, Громов. А то Степан Анисимович уже с меня за тебя спрашивает.

Крестный хмыкнул.

Рябой Михаил подъехал к нам, придержал коня возле Семена.

— Ну, братка, бывай. Еще сходим вместе.

— Сходим, куда денемся.

Они пожали руки. Михаил кивнул мне и Ильке, поправил за спиной винтовку и занял место в своем десятке.

Первыми выступила сотня хабаровцев набранная из второй очереди для этого дела. Бекетов отдал последние распоряжения старшим, разъезд ушел вперед. Казаки один за другим направили коней к выезду, вслед за ними заскрипели подводы. У обочины станичники перекликались с ними напоследок.

Затем пошла сотня Овсянникова. У выезда урядник еще уточнял у проводника поворот к назначенной стоянке. На обратном пути домой им предстояли новые проверки.

Я пропустил последнюю подводу, машинально потянулся к плечу поправить винтовочный ремень и опустил руку. Винтовка то дома.

Семен заметил и усмехнулся.

— Никак собрался следом?

— Привычка.

За обозом прошли замыкающие. Я проводил их взглядом и повернулся к своему куреню.

Дядя остался рядом с крестным. Они еще о чем-то переговорили и пошли к правлению.

Илька тоже собирался в дорогу.

Илька забрал из гостевого дома суму. Мы сходили ко мне за его Ли-Метфордом. Вскоре побратим привел с конюшни оседланного коня. Малокалиберку увязал вместе с поклажей, а привычный Кропачек оставил на ремне.

— Ну что, к своим? — спросил Семен.

— Дед ждет, Аси тоже. Хватит им на дорогу смотреть.

Я помог ему подтянуть поклажу.

— Пассе от меня поклон. И сестренке.

— Передам. Ты сам потом приезжай, с Сашей.

— Приедем, когда с делами управимся.

Илька пожал мне руку, потом Семену. Подтянул подпругу и сел в седло.

— До послезавтра не ждите.

— Отдыхай, анда.

Он кивнул и направил коня вдоль по улице. У поворота еще раз поднял ладонь.

Семен проводил его взглядом и оправил чекмень.

— А я к Ваське. Книги ему обещал разобрать, да опять полдня опять где-то ношусь.

— Ступай. Я вечером в правлении буду.

— Сегодня вряд ли уже приду, Андрюха. Нам еще с братом погуторить надо.

Семен махнул рукой и направился к храму.

Глава 3. Полуостров

Я направился домой. До вечернего разбора в правлении время еще оставалось.

Амур встретил меня у калитки, проводил до крыльца и попытался протиснуться в сени впереди меня.

— А ты куда собрался? Ты тут оставайся.

Пес сел на пороге. Я потрепал его за ухом и вошел в дом.

Саша сидела возле машинки, склонившись над шитьем. Услышав меня, подняла голову.

— Проводили?

— Проводили. Илька тоже к своим уехал. Семен к брату пошел.

Я снял папаху и чекмень, подошел к жене, поцеловал в макушку.

— А ты опять за работой?

— Так ее никто за меня не сделает.

— Ну, это мы сейчас посмотрим. Показывай, куда твои ткани убирать.

Саша отложила шитье.

— Руки сперва вымой. А то после ваших винтовок на полотенце одни черные пятна.

Умывшись, я подвинул лавку к полкам. Саша подавала свертки и указывала, что класть подальше, а что понадобится уже завтра. Нынешнюю работу оставили возле машинки. Потом я переставил сундук, освободив ей проход.

— Вот теперь хоть повернуться можно, — сказала жена. — А Семен с Фомичом сговорился?

— После школьных полов и дверей за его курень возьмутся. Если еще плотника найдут, быстрее пойдет. А мою конюшню Фомич завтра посчитает, срока пока не назвал.

Я достал полученные от Албазова деньги и положил на стол.

— Эти семьдесят пока придержим на конюшню.

Саша посмотрела на кредитные билеты.

— Продал что-то?

— Второй Ли-Метфорд. Денис Палыч давно такой хотел.

Она собрала деньги.

— Тогда, пока не посчитаем, их не трогаем. А на выселок после Фомича поедем?

— После него. С утра двор осмотрим и соберемся.

Саша протянула мне последний сверток.

— Этот наверх, к стене. Только не завали им остальные, а то опять все снимать придется.

Я уложил ткань, слез с лавки и вернул ее на место.

К вечеру я уже собирался в правление, когда с Уссури донесся протяжный гудок. Надел чекмень и папаху, вышел за калитку и увидел дядю. Аркадий Игнатьевич шел от Кравцовых.

— «Сунгача», — сказал он. — Пойдем узнаем, когда отходит.

Мы спустились к реке. Пароход приближался к пристани, а за кормой на буксире тянулась баржа. Сперва за горами тюков виднелись только головы. Потом я различил женские платки, ребятишек между мешками, натянутую над грузом рогожу. Народу там набилось порядочно.

Переселенцы, должно быть. С таким грузом на соседнюю пристань за покупками не ездят.

Аркадий Игнатьевич тоже задержал взгляд на барже.

«Сунгача» сбавила ход. Матрос соскочил на настил, начал швартовку. Мы остановились в стороне, чтобы не мешать. На палубе показался Сапожников. Дядя окликнул его и спросил, надолго ли остановились.

— До утра стоим, — ответил капитан. — С рассветом в Хабаровку. Вы с нами?

— С вами.

— Тогда вещи к первому гудку приносите.

— Успеем.

Пока крепили сходни, подошел крестный. Следом со стороны выгона появился Завьялов. Макар снял папаху, вытер лоб и остановился рядом.

— Как там? — спросил Кравцов.

— Разбираем, как вы днем и велели. Взятое у станичников почти все вернули. Последняя подвода с котлами и утварью еще на выгоне стоит. Сейчас ее отправлю, и на сегодня довольно.

— Жерди?

— Сложили. Завтра вывезем.

Крестный кивнул и повернулся к пароходу.

По сходням спускался Федюков.

Василий Петрович нес саквояж, второй рукой придерживался за поручень. Дядя шагнул навстречу.

— Василий Петрович! Вот уж не думал здесь вас встретить.

— Здравствуйте, Аркадий Игнатьевич.

Они пожали руки. Федюков поздоровался с крестным и Завьяловым, затем протянул руку мне.

— И вам доброго вечера, Андрей.

— Здравствуйте, Василий Петрович.

За его спиной на сходни ступили другие пассажиры. Мы отошли, освобождая им дорогу. С баржи донесся окрик. Матросы подводили ее к берегу рядом с пристанью.

На барже зашевелились. Женщина подняла спящего малыша, устроила его на руках и позвала девочку возле узлов. Та вскочила, потерла глаза и ухватилась за материнскую юбку. Двое вытащили из-под рогожи окованный сундук, протащили к борту. Мальчишка постарше подхватил клетку с курицей, но его тут же отогнали от края.

Собираться начали сразу в нескольких местах. Вязали узлы, перебрасывали через плечо ремни. Кто освободил руки, принимал у соседей ребятишек. Все поглядывали на берег, дожидаясь, когда разрешат сходить.

Я оглянулся на дорогу. Ни подвод за приехавшими не подогнали, ни родня навстречу не спешила. А на барже уже тащили к борту следующую поклажу. Выгружаться, похоже, собирались здесь.

Завьялов повернулся было к выгону. Крестный придержал его за рукав, оглядел баржу и сказал:

— Макар, погоди. На выгоне пока ничего не убирайте. Сдается мне, это к нам.

С баржи сошел широкоплечий мужчина в потертом кафтане, с дорожной сумкой через плечо. Подошел к крестному и снял картуз.

— Доброго здоровья. Вы здешний атаман?

— Я. Кравцов Степан Анисимович.

— Савелий Андреевич Рубцов. Переселенцы мы, я за старшего буду. Нам велено здесь остановиться. Сейчас бумаги достану.

Он расстегнул сумку, вынул завернутые в промасленную ткань документы. Пока развязывал тесемку, с баржи крикнули:

— Савелий! Сундуки выносить?

— Обождите с сундуками! Дайте бабам с ребятишками сойти.

Крестный принял предписание, развернул приложенный список.

— Девять семейств?

— Девять. С ребятишками сорок шесть душ. Все добрались.

— Последний переход от Камня шли?

— От него. Там нас на баржу и посадили.

Степан Анисимович пробежал глазами по бумагам.

— Вот и первая партия, про которую Павел Федорович предупреждал. Плотники у вас есть, смотрю, пильщики…

— Есть. Мы народ крестьянский, но не одним хлебопашеством жили. Кто по лесу работал, кто дома рубил. С инструментом приехали.

В предписании Лончаково значилось местом временной остановки. Семьи направляли к участку у реки Бикин. Здесь следовало помочь им с ночлегом, продовольствием и дальнейшей дорогой.

Крестный сложил документы.

— Добре, Савелий Андреевич. Сперва устроим вас. Макар, подводу с котлами оставь на выгоне. Еще две сюда подгоните, вещи перевезти.

— Сейчас пошлю.

— Андрей, помоги ему. Савелий Андреевич, покажи своим, что первым делом снимать. Постели, еду, что детям нужно. Тяжелое уже после.

Рубцов надел картуз и поспешил к барже. Я уже собрался за Завьяловым, когда Федюков негромко обратился к дяде:

— Аркадий Игнатьевич, у меня для вас отдельное поручение. В правлении поговорим.

Дядя посмотрел на него внимательнее.

— До утра терпит?

— Лучше сегодня.

— Хорошо. Здесь управимся и зайдем.

Завьялов остановил Моренченко, который как раз вел к реке пустую подводу.

— Саня, сюда подавай. Под постели место оставь, ребятишек сверху посадим.

Я отвел в сторону двоих переселенцев, загородивших выход мешками, помог перенести котомки к колесу. Женщину со спящим малышом провел мимо подводы.

— Вы пока здесь постойте. С вашим добром разберемся.

Она обернулась к барже, отыскивая взглядом остальных детей. Старшая девочка шла следом, таща узел, который то и дело бил ее по ногам. Я забрал его.

Веревка легла на ссадину, полученную утром. Пришлось перехватить узел под мышку, прежде чем уложить на подводу.

С улицы прибежал Олег, следом подошел Меренский. Крестный сразу подозвал обоих.

— Саша, на выгоне порядок устрой. Семьи отдельно от подвод, проходы не загромождать. Олег, к матери сбегай. Пусть с женщинами ужин приготовит. Сорок шесть человек, много детей.

— Понял, батя.

— И большие котлы, что уже разнесли, назад попроси. На одну ночь.

Олег глянул на баржу.

— Мы их только отдали.

— Значит, скажи, чтобы поторопились.

Меренский пошел вперед с первыми прибывшими. Пока мужчины выносили мешки, я помог Моренченко устроить детей. Одного мальчишку пришлось снять: он полез на самый верх, уселся на сундук и заявил, что ему там лучше видно.

— Насмотришься еще. Сядь возле сестры, рукой за борт держись.

От прежнего лагеря остались стойки, часть поперечин и сложенные жерди. Навесы для двух сотен уже разобрали, но для девяти семей укрытия восстановили быстро. Переселенцы едва сбросили узлы, как сами взялись за дело.

Рубцов ходил между ними, подсказывал, кому, где удобнее стать. Возле одной из стоек остановился бородатый мужчина с длинным деревянным ящиком. Поставил его, откинул крышку. Внутри лежали рубанки, завернутые в тряпье стамески, сбоку было закреплено полотно пилы. Он проверил, не отсырело ли железо, и только после этого повернулся к жене.

— Сюда не клади. Земля сырая.

— А куда?

Он носком сапога поддел лежавший рядом обрубок, подтащил второй. Уложил на них несколько жердей и перенес на этот настил постельные узлы.

— Петр Ефимович, твоим здесь удобно? — спросил Рубцов.

— Да, пожалуй, тут останемся. Только навес повыше поднимем.

Пока жена доставала детям сухую одежду, Петр Ефимович перешел к соседям. Там никак не могли закрепить поперечину: один держал, второй обматывал веревкой, а жердь все равно съезжала.

— Погодите, не тяните вы так.

Он примерил другую стойку, подправил развилку топором и уложил в нее поперечину. Я подошел придержать. Через минуту оставалось только натянуть рогожу.

Ребенок, которого принесли с пристани спящим, продолжал тихонько сопеть. Мать устроила его на узлах, подложила под голову свернутую кофту и принялась развязывать мешок. Рядом девочка терла мокрые ноги краем рубахи.

В эту тесноту и полезла груженая подвода.

Меренский шагнул наперерез.

— В объезд веди. Там проезд оставили.

Пришлый возчик остановился, глянул на край навеса.

— Да я тут пройду.

— Не пройдешь. Вон дорога, по ней веди.

Тот дернул вожжи. Колесо покатилось к разложенным вещам.

— Под ноги не лезь, сопляк.

Сашка ухватился за вожжи, останавливая лошадь. Возчик толкнул его в грудь и потянул коня дальше. От него разило хмельным. Женщина у навеса подхватила ребенка, прижала к себе.

Я взял лошадь под уздцы. С другой стороны подошел Моренченко. Пока мы удерживали коня, пришлый еще пытался вырвать вожжи у Меренского.

Сашка выдернул нагайку.

Первый удар пришелся по заду. Возчик охнул, повернулся к нему, получил второй и выпустил вожжи.

— Ты чего это?!

— Сказали тебе, куда вести.

Моренченко забрал вожжи. Меренский отступил, убирая нагайку, а я отвел коня от навеса. Больше возчик вперед не рвался, и не отсвечивал.

Рубцов подошел, посмотрел на подводу.

— Ты нам вещи везти взялся или ребятишек давить?

— Да я…

— Что ты? Теперь помогай снимать. Сам дорогу загородил.

Он взялся за одну ручку сундука и кивнул на другую. Пришлый потер ушибленное место, выругался вполголоса, но ухватил. Мы сняли поклажу, Моренченко вывел подводу на проезд, и возле навесов наконец стало свободнее.

На краю выгона уже разводили огонь. Олег вернулся с большим котлом, а Лешка Ли привез воду. Завьялов отправил освободившуюся подводу за оставшимися вещами и пошел проверять, всем ли нашлось место.

Крестный закончил обход семей. Рубцов дождался его возле сложенных жердей.

— Степан Анисимович, теперь бы про дальнейшую дорогу узнать. Нам ведь еще обживаться надо, до холодов управиться.

— Показывай, куда назначены.

Савелий Андреевич достал описание участка. Развернул лист на борту подводы, прижал ладонью.

— Вот здесь. Нам говорили, земля для поселения отведена. И заработок будет, когда железную дорогу начнут строить.

Я подошел ближе. На Бикине предполагалось устроить небольшой рабочий выселок. Сперва временное жилье, склад, заготовка леса, расчистка площадок. До рельсов со шпалами было еще далеко, но людей решили поселить заранее.

— За лес и постройки отдельно платить обещали, — добавил Рубцов. — Мы потому и собрались. У каждого семья, одним своим хозяйством в первый год не прокормиться.

Крестный перечитал описание, проследил пальцем несколько строк.

— До этого места тележной дороги нет.

Рубцов поднял голову.

— А как же нам туда?

— Сначала путь подготовить придется.

— Нам сказали, здесь проводников дадут.

— Дадим. Только проводник твою подводу через буреломы не протащит. Верхом там пройти можно, а с детьми и всем добром пока не сунешься.

Савелий Андреевич поглядел на выгон. Под одним навесом уже расстелили постели, возле другого выстроились принесенные с баржи ведра и горшки.

— Стало быть, здесь застряли?

— Не застряли. Отсюда и начнем. Сперва небольшая партия с проводником сходит, направление проверит. Где расчистить, где настил нужен, как переправляться. Потом людей с топорами пошлем.

— Свои у нас есть.

— Вот и хорошо. А семьи здесь обождут, пока просеку не подготовим.

Я наклонился над листом.

— Груженой подводе не всякая конная тропа годится. Надо сразу смотреть, где колеса пойдут и где развернуться можно. Не то расчистим тропу, а на первом же крутом подъеме все добро снимать придется.

— Дело говоришь, потому тебя и пошлю, — сказал крестный. — После передышки. С проводником сговоримся, людей определим. Заодно и прикинете, сколько работы.

Я кивнул.

— Завтра по людям посчитаемся, — сказал Кравцов Рубцову. — Кто на расчистку пойдет, кто при семьях останется. Припасы свои тоже пересмотрите. Что есть, чего не хватает.

— Пересмотрим. Вы только заранее скажите, когда собираться.

Крестный вернул ему описание.

У школьного крыльца показался Фомич. Снял передник, вытряхнул стружку, повесил его на выступавший конец бревна. Домой идти не торопился: остановился возле навеса, где Петр Ефимович подгонял последнюю стойку.

— С этой стороны ветер поднимет, — сказал он.

— Подтянем. Тут веревки не хватает.

Фомич кивнул мне на моток возле жердей. Я подал его. Петр Ефимович закрепил край рогожи и потянул на себя, проверяя, крепко ли держится.

— Теперь держать будет.

— Силантий Фомич, — представился наш плотник, протягивая руку.

— Петр Ефимович Суханов.

— Плотничал прежде?

Суханов посмотрел на свой топор.

— Случалось.

— Да вижу, что случалось. Сруб сам ведешь?

— Веду. И двери, и окна пригоню. Тебе чего надо?

— В школе полы закончить, двери навесить. Пока здесь стоите, работу возьмешь?

Петр Ефимович повернулся к Рубцову:

— Савелий Андреевич, мы завтра еще здесь?

— Здесь. До дороги пока далеко, слыхал ведь. Только надолго не обряжайся, самим строиться надо.

— Сколько успеет сделать, за то и заплатим, — сказал Фомич. — Пойдем поглядишь.

Суханов оглянулся на жену. Та вытряхивала из мешка последние вещи.

— Ступай, — сказала она. — Тут сами управимся.

Мы дошли до школы. Петр Ефимович задержался на пороге, осмотрел готовый настил. Потом прошел к оставленным доскам, поднял одну за край, посмотрел вдоль нее.

— Эти сюда?

— Сюда. Лешку на подачу дам.

— А двери?

Фомич показал дверные заготовки. Суханов провел ладонью по косяку, присел возле нижнего края, проверил проем.

— Добре. За пол одной суммой считаем. За двери отдельно, сколько прилажу.

— Так и хотел.

Фомич назвал плату. Петр Ефимович потер бороду.

— С подачей доски?

— С подачей. Сам за каждою бегать не будешь.

— Тогда сговорились. С утра приду.

Они пожали руки, скрепив договор. Я стоял рядом и прикидывал, как скоро теперь закончат школу. Семену такой помощник точно пришелся бы по душе. Правда, Рыжий уже наверняка решил бы, что Фомич завтра же возьмется за его курень.

— К тебе тоже с утра зайду, — сказал плотник, заметив мой взгляд. — Двор осмотрим, как обещал.

— Благодарствую, Фомич.

Когда мы вышли, у котлов раздавали хлеб. Олег нес пустую корзину, и крестный остановил его.

— Дениса Палыча найди. Пусть в правление идет, журнал испытаний принесет. Мишени, записи, что там у него еще. До утра надо Аркадию все передать.

— Сейчас сбегаю.

Завьялов остался на выгоне. Мы направились в правление, где нас уже ждал Парамон. На столе перед ним лежали тетрадь и несколько листов.

— Конев заходил, — сообщил он. — И Зыбко тоже. Спросили, когда собираться.

— На завтра перенесем, — сказал крестный. — Передай обоим: после полудня. Конев пусть приходит со своими записями, Зыбко — с расчетом расходов. Ты все поступления приготовь.

Парамон закрыл тетрадь.

— А переселенцев куда записывать?

— Отдельно. Список сейчас дам.

Крестный положил на стол бумаги Рубцова. Я устроился у края, Аркадий Игнатьевич — напротив. Федюков поставил саквояж возле стула.

Со служебными делами управились быстро. Обе сотни выступили, проводников им дали. Местные разъезды ушли на свои участки, от дальних стоянок еще ждали сведений.

— Все донесения после моего отъезда принимай здесь, — сказал дядя Степану Анисимовичу. — Что относится к нашему делу, передавай мне в Хабаровку шифром. Подлинники у себя сохраняй.

— Адрес прежний?

— Прежний. В Хабаровке оставлю распоряжение, кому принимать, если сам отлучусь.

Крестный кивнул Парамону, тот сделал пометку.

— Степан, за переселенцами так и не поговорили о приезде Василия Петровича, — сказал дядя. — Вы ведь встречались, когда Андрея в Хабаровку забирали.

— Помню, — ответил крестный, посмотрев на меня.

— В Камне мы с ним вместе работали. Во многом благодаря Василию Петровичу удалось дело довести до общего выступления. Сейчас он привез мне новое поручение. И для тебя новости есть.

Степан Анисимович отложил бумаги.

— Тогда слушаю вас, Василий Петрович.

Федюков придвинулся к столу.

— К нынешним заботам у вас скоро прибавятся новые. Из Хабаровки пришло предварительное известие: наследник цесаревич Николай Александрович осенью отправляется в большое путешествие.

Крестный перестал перебирать бумаги.

— Куда ж это?

— По восточным странам. А в следующем году ожидается у нас. Владивосток, затем путь через наш край и Сибирь.

Дядя чуть подался вперед.

— Значит, поездка все-таки состоится?

— Готовят. Подробного расписания еще нет, но начинать приготовления уже велено. К следующему лету край должен быть готов принять Его Императорское Высочество.

— Почитай через год, — произнес крестный. — По Уссури пойдет?

— Такой путь предполагается. Где остановки назначат, пока не сообщали. Распоряжения по войску поступят отдельно.

Степан Анисимович откинулся на спинку стула и провел ладонью по усам.

— Ну, теперь начнется на Уссури.

— Начнется, — согласился Федюков. — Пристани, дороги, суда, размещение свиты. Но прежде всего безопасность.

— Мы только что по стоянкам прошли, — заметил я.

— Этого мало. Теперь потребуют так вычистить весь путь, чтобы муха не пролетела. Хунхузы, разбойничьи зимовья, укрыватели, вся эта торговля оружием через реку, контрабанда. За каждый непроверенный угол с нас спросят.

— А людей где брать? — Кравцов постучал пальцем по списку переселенцев. — Одних в разъезды, других на посты, третьих дорогу рубить. Тут еще с пристанью возиться придется.

— Потому заранее и предупреждают, — ответил Федюков. — Что требует ремонта, чего недостает, сообщать надо теперь. Весной поздно будет объяснять, отчего не готовы.

Крестный повернулся к Парамону:

— Отдельную тетрадь заведи. Завтра с Макаром посмотрим, что по нашему участку готовить.

Парамон вздохнул и потянулся за тетрадью.

Я вспомнил, сколько людей пришлось выставить ради проезда одного губернатора. Здесь же ожидали наследника престола. На одной пристани наверняка начальства соберется больше, чем у нас во всем Козловском округе живет.

Крестный недовольно хмыкнул.

— Ну что ж, значит, покоя нам ближайший год не видать.

— Его вам и прежде не обещали, Степан Анисимович, — сказал Федюков.

В дверь постучали. Пришел Албазов со свертком под мышкой. Поздоровался, положил ношу на свободный край стола.

— Опять большое начальство ждете?

— Еще какое, Палыч. Наследник через год в наши края собирается.

Денис Палыч на мгновение замер, держа в руках развязанную тесемку.

— Ну, тогда держись. У нас еще после сотен жерди не убраны.

Все засмеялись.

Парамон зажег лампу, придвинул ее к середине стола и вышел предупредить Конева с учителем. Албазов разложил журнал, бумаги с записями по номерам винтовок и свернутые мишени.

Дядя освободил перед собой место.

— Рассказывайте. Что показали образцы?

— Отчет я еще из Козловской отправил, — сказал я. — На ваш служебный адрес, по записи приняли.

— Знаю, Андрей. Самого отчета пока не видел. В Хабаровке разыщу, а сейчас давайте по журналу.

Денис Палыч раскрыл нужную страницу.

— С заряжания начали. Одна обойма туго шла на обеих винтовках. С другими такого не было. Семен проверял, Илларион тоже.

— Ее сохранили?

— Отложили и пометили. С остальными не спутать.

Аркадий Игнатьевич просмотрел запись.

— Дальше.

— На одном образце дважды гильза в патроннике оставалась. Сначала у Иллариона, потом у Семена.

— Затвор до конца отводили?

— До конца, — подтвердил я. — С крестным оба раза рядом стояли.

Албазов вынул два небольших бумажных свертка. Дядя прочел надписи, сравнил с записью в журнале.

— Причину определили?

— Нет, — ответил Денис Палыч. — Только записывали. Самовольно ничего не правили.

— После второй задержки я велел эту винтовку убрать, — сказал крестный. — Продолжили с первой.

Дядя развернул ближайшую мишень. Албазов показал, где чья серия, на каком расстоянии стреляли.

— По первой все здесь, — сказал Палыч. — И темп стрельбы, и попадания. Только выводы оружейники уж сами сделают. Мы один раз стреляли, а им дальше разбираться.

— Это правильно. Гильзы с мишенями надо вместе передать.

Албазов отложил листы с результатами и подвинул другие.

— Здесь пожелания. С винтовками ходили, ползали, верхом садились. Длинноваты они для казаков, с ремнем тоже подумать надо. И ствол сверху голый. Семен после стрельбы за него схватился, потом долго ругался и пятерней тряс.

— Что предлагаете? — спросил дядя у меня.

— Укороченный образец попробовать. С нынешним верхом и в лесу неудобно.

— А ремень?

— Крепление такое надо подобрать, чтобы винтовка за спиной удобнее лежала и с плеча снять можно было без проволочки. Это тоже на самом образце проверять надо.

Денис Палыч перевернул лист.

— Еще сверху дерево просили поставить.

— Ствольную накладку, — пояснил я. — Нагретый ствол ладонью задеть нетрудно особенно в бою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.